References

1. Predprinimatel`skoe pravo v XXI veke: istoki i perspektivy` / pod red. S. S. Zankovskogo, N. I. Mixajlova. M.: Prospekt, 2018. 672 s.
2. Predprinimatel`skoe (xozyajstvennoe) pravo / Zankovskij S. S., Mixajlov N. I., Oleneva A. N., Platonova N. L., Supataeva O. A., Budnikova Yu. E., Laptev V. A., Bulgakova L. I., Dyatko G. V., Kazenova T. M., Moturenko S. M., Netesova M. S., Sazonova E. S. V kn.: Dvadczat` let Konstitucii Rossijskoj Federacii: yuridicheskaya nauka i praktika / Medvedev V. N., Grishkovecz A. A., Al`ximenko V. V., Lomakina V. F. i dr. M., 2013. 359 s.

УДК: 347.4 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-89-94

ОСНОВАНИЕ И ЦЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Игдиров Борис Сергеевич аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: boris.igdirov@yandex.ru

Аннотация

В современный период в российской доктрине правового регулирования отмечается повышенный интерес ученых-цивилистов к вопросам морали и нравственности, к проблемам содержания, значения и особенностям реализации принципа справедливости в гражданском праве. Актуальность исследования нравственного принципа справедливости можно объяснить, в частности, тем, что усиление нравственных принципов гражданско-правового регулирования общественных отношений было отмечено в качестве одной из главных целей модернизации гражданского права. В настоящей работе мы предпримем попытку проанализировать основания и цели законодательного воспроизведения категории «справедливость» в нормах Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: *принцип, справедливость, категория, гражданское законодательство, аналогия права, общие начала, разумность..*

Категория «справедливость», имеющая, безусловно, морально-нравственную природу, находит свое отражение в нормах российского законодательства. Так, в ныне действующем Гражданском кодексе Российской Федерации она употребляется семь раз.

Первое употребление данной категории содержится в пункте 2 статьи 6 «Применение гражданского законодательства по аналогии» Гражданского кодекса РФ: при невозможности использования аналогии закона, права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и *справедливости*.

Очевидно, что данная норма направлена на функциональное использование принципов гражданского права, в части применения их для урегулирования конкретных общественных отношений. Этот законодательный прием является реализацией всем известной аналогии права, которая присуща частноправовым отраслям права.

Однако интересно следующее: «общие начала» гражданского законодательства содержатся в одноименной статье 1 Гражданского кодекса РФ, и к ним причисляются:

- равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, беспрепятственное осуществление гражданских

прав, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (пункт 1 статьи 1);
- лица приобретают и осуществляют свои права своей волей и в своем интересе (пункт 2 статьи 1);
- участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3 статьи 1);
- товары, услуги и финансовые средства свободно перемещаются на всей территории Российской Федерации (пункт 5 статьи 1).

При этом законодатель уточняет, что права и обязанности спорных правоотношений могут быть урегулированы посредством обращения к общим началам гражданского законодательства и требованиям добросовестности, разумности и справедливости.

Однако категории «добросовестность», «разумность» и так отнесены к «общим началам» гражданского законодательства.

Получается, что законодатель безосновательно воспроизводит требование обращаться к добросовестности и разумности при урегулировании конкретных общественных отношений. Ибо разумность и добросовестность всех субъектов гражданских правоотношений и так предполагается.

Вместе с этим категория «справедливость», не отнесенная к общим началам и смыслу гражданского законодательства, должна применяться при применении этого самого гражданского законодательства по аналогии (права).

Целью такого законодательного решения, по нашему мнению, является именно справедливое применение основ гражданского законодательства при урегулировании конкретных общественных отношений посредством обращения к ним (основам гражданского законодательства). Однако встает резонный вопрос: а в своей сущности разве гражданское законодательство не должно быть справедливым? Ведь квинтэссенцией всего Гражданского кодекса РФ (а, по сути, и всего гражданского законодательства Российской Федерации) является его первая статья – «Основные начала гражданского законодательства».

В связи с этим стоит вспомнить о бессмертном определении права: «Право есть искусство добра и справедливости». Разумеется, что с философских, социологических и антропологических позиций любое законодательство должно быть справедливым. Более того, в доктрине давно обосновывается позиция, согласно которой принцип «социальной справедливости» должен быть включен в статью 1 Гражданского кодекса РФ в роли базового принципа гражданского права в целом и гражданского законодательства в частности [1, с. 301].

Однако в настоящее время мы вынуждены констатировать, что категория «справедливость» не нашла своего места в ряду основ-принципов гражданского законодательства.

Следующей статьей, оперирующей категорией «справедливость», является статья 65.2 «Права и обязанности участников корпорации» Гражданского кодекса РФ. В пункте 3 данной статьи содержится норма, согласно которой суд может отказать в возвращении доли участия [в корпорации], если это приведет к *несправедливому* лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие, публично значимые, последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается *справедливая* компенсация, определенная судом.

Анализируя данную норму, для начала следует отметить, что она регулирует корпоративные отношения, которые являются фидуциарными. Корпоративные правоотношения, построенные на началах доверия и равенства участников корпорации, обязывают к соответствующему их регулированию. Ибо известно, что предмет регулирования обуславливает метод регулирования.

Вместе с этим отметим, что в приведенной норме статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ категория «справедливость» употребляется дважды. Более того, цели и осно-

вания воспроизведения данной категории в анализируемой норме совершенно разнятся. Так, в первом случае (контекст: «…суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к *несправедливому* лишению иных лиц их прав …») целью употребления категории «справедливость», по нашему мнению, является установление ориентира для суда в принятии решения об отказе в защите права. Суд может отказать в защите права, если установит, что правовые последствия будут являться несправедливыми для иных лиц, то есть нарушат права и законные интересы третьих лиц. Справедливость в данном случае будет выступать своего рода мерилом на импровизированных весах суда, на одной чаше которых будет лежать защита нарушенных прав, а на другой – нарушение прав третьих лиц.

Совершенно оправданным видится законодательный прием, обусловливающий допустимость защиты корпоративных прав участника (либо бывшего участника) корпорации в зависимости от нарушения прав третьих лиц, не являющихся участниками корпорации, поскольку природа нарушения прав участника (либо бывшего участника) корпорации происходит от участия в корпорации. И если защита прав участника будет затрагивать права и законные интересы лиц, не находящихся в какой-либо связи с данной корпорацией, то это будет выглядеть социально неоправданно. Совсем иной вид приобретает эта норма, если представить, что третьи лица каким-либо образом способствовали к лишению прав участия в корпорации. И, как следствие этого, защита прав участника (либо бывшего участника) корпорации путем нарушения прав третьих лиц, способствующих нарушению его прав, будет выглядеть социально оправданной, следовательно, – справедливой.

Второе употребление категории «справедливость» в статье 65.2 Гражданского кодекса РФ, очевидно, происходит с целью определения размера компенсации нарушенного корпоративного права участника (либо бывшего участника) корпорации.

Развивая нашу мысль, можно представить, что защита прав участника (либо бывшего участника) корпорации приведет к нарушению прав третьих лиц, которые никоим образом не способствовали нарушению прав такого участника. Однако судом было установлено лицо, которое виновно в нарушении прав участника. В данном случае норма статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ предписывает взыскание справедливой компенсации с такого виновного лица в пользу участника (либо бывшего участника) корпорации.

Взыскание компенсации по своей правовой природе одновременно является и непоименованным способом защиты нарушенного права (в статье 12 Гражданского кодекса РФ) для участника, и мерой гражданско-правовой ответственности для лица, виновного в нарушении корпоративных прав участника, которая в науке гражданского права не получила должного исследования. Однако законодатель указывает, что ее размер должен определяться судом на основе конкретного критерия – «справедливости». Следовательно, в данном случае «справедливость» выступает мерой определенной денежной суммы. По нашему же, мнению, нравственно-социальная категория «справедливость» не совсем подходит для такого ее использования. Для определения денежной компенсации в рамках сугубо экономических отношений, каковыми являются корпоративные отношения, представляется более целесообразным использовать критерий «экономической обоснованности». То есть, какую стоимость участник корпорации потерял, столько ему и должны компенсировать, но только уже в виде денежной суммы.

Двоякие впечатления вызывает норма статьи 308.3 «Защита прав кредитора по обязательству» Гражданского кодекса РФ, в которой наличествует категория «справедливость». С одной стороны, данная норма содержит классический астрент, хорошо известный французскому гражданскому праву, с другой стороны, – использование уплаты денежной суммы для стимулирования должника к исполнению обязательства, по нашему мнению, не может являться панацеей для надлежащего исполнения обязательств различной природы. Так, совершенно оправданным и справедливым представляется использовать астрент в коммерческих правоотношениях, и спорным – в потребительских.

Что касается цели использования категории «справедливость» в статье 308.3 Гражданского кодекса РФ, то она, как и в статье 65.2 Гражданского кодекса РФ, выступает в роли одного из критериев определения гражданско-правовой ответственности, выражающейся в денежной сумме, за нарушения надлежащего исполнения обязательства должником. Однако в статье 308.3 в отличие от статьи 65.2, добавляется еще один оценочный критерий «соразмерность», который, видимо, должен способствовать определению суммы астрента.

Интересным примечанием является то, что в статье 308.3 «справедливость» впервые в Гражданском кодексе РФ была названа принципом.

По общей формуле доказывания, изложенной в процессуальном законодательстве, каждое лицо должно доказать то, что оно утверждает. Обязанность доказывания возмещения убытков (факт и размер) лежит на лице, которому эти убытки были причинены. Вместе с этим в соответствии со статьей 393 «Обязанность должника возместить убытки» Гражданского кодекса РФ в случае, если размер убытков не может быть установлен, то их размер определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов *справедливости* и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства. И в данной статье очевидно, что категория «справедливость» используется с целью определения некой денежной суммы, однако природа этой суммы – не штраф и не ответственность, а убытки точность которых невозможно определить прямыми доказательствами.

Следующей нормой, имеющей в своем содержании справедливость, является норма, находящаяся в статье 451 «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств» Гражданского кодекса РФ. Так, в данной статье сказано, что при расторжении договора вследствие существенно изменившихся обстоятельств суд по требованию любой из сторон определяет последствия расторжения договора, исходя из необходимости *справедливого* распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением этого договора. Целью использования «справедливости» в данном случае, по нашему мнению, является воплощение равного распределения понесенных затрат. В данной норме справедливость выступает в роли определителя равенства в правах, обязанностях и ответственности лиц, находящихся в договорных отношениях. Стоит поддержать законодателя в выборе такого приема, поскольку категория «равенство», если бы она была употреблена в данной норме, воспринималась бы правоприменителем как некий экономический эквивалент. Вместе с этим уместность использования катеогрии «справедливость» оправдывается тем, что она приводит к анализу восстановления во всех правах, обязанностях и ответственности, в том числе, не сопряженных с имущественной сферой каждой из сторон.

Норма статьи 1101 «Способ и размер компенсации морального вреда» повсеместно подвергается научной критике [2; 3]. Большая часть данной критики направлена на «затрудненность» определения размера компенсации морального вреда. Так, в пункте 2 статьи 1101 указано, что при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Уточняющих и разъясняющих критериев определения компенсации морального вреда не дает и посвященное данной проблематике постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»[1] [3].

Вместе с этим совершенно непонятно, почему законодатель не использует еще один очевидный критерий для определения размера компенсации морального вреда – «соразмерность». По нашему мнению, справедливости и разумности, как критериев определения размера компенсации морального вреда, не совсем достаточно, поскольку,

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // «Российская газета» № 29 от 08.02.1995.

факт причинения морального вреда суд может оценить и справедливо, и разумно[1]. А вот соотнести характер причиненных нравственных и физических страданий с денежной суммой компенсации, исходя из буквального толкования данной нормы, суду не представляется возможным. Конечно же, цель использования «справедливости» в данной норме оправдана, однако, по нашему мнению, ее, наряду с разумностью, совершенно, недостаточно.

Аналогичная цель использования категории «справедливость» наблюдается и в статье 1252 «Защита исключительных прав» Гражданского кодекса РФ. В данной норме «справедливость» выступает в роли критерия определения денежной суммы (компенсации), только не за причиненные нравственные и физические страдания, а за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации. Так же, как и в норме о компенсации морального вреда, по нашему мнению, в данной норме не хватает категории «соразмерность», которая бы способствовала надлежащему определению денежной суммы для компенсации нарушенного права.

Обобщая изложенное выше, можно сделать несколько умозаключений.

1. Категория «справедливость» в Гражданском кодексе РФ употребляется с различными целями:

а) с целью справедливого применения основ гражданского законодательства при урегулировании конкретных общественных отношений посредством обращения к аналогии права;
б) с целью установления ориентира для суда в принятии решения об отказе в защите права;
в) с целью определения размера компенсации нарушенного права;
г) с целью определения равенства в правах, обязанностях и ответственности лиц, находящихся в правовых отношениях.

2. Законодатель не причисляет «справедливость» к основам – принципам гражданского законодательства (статья 1 Гражданского кодекса РФ), вместе с этим в статье 308.3 Гражданского кодекса РФ законодатель именует «справедливость» принципом. В связи с этим остается без ответа вопрос о том: была ли это «законодательная описка» или справедливость действительно является принципом гражданского законодательства.

Литература

1. *Иванова С.А*. Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. Дис... докт. юрид. наук. М., 2006.
2. *Эрделевский А.М*. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М., 1997.
3. *Малеин М.Н.* Личные неимущественные права: понятие, осуществление, защита. М., 2001.

Igdirov Boris Sergeevich, a postgraduate student, Department of Civil and Business Law, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: boris.igdirov@yandex.ru

THE BASIS AND OBJECTIVES OF THE USE OF THE CATEGORY "JUSTICE" IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

In the modern period in the Russian doctrine of legal regulation there is an increased interest of scholars-civilists to the issues of morality and ethics, to the problems of content, meaning and pe-

[1] Что касается разумности, то нам представляется, что суд при оценке любой правовой ситуации должен подходить с высокой степенью разумности, и совершенно не оправданно воспроизводить данную категорию в отдельных нормах права.

culiarities of the implementation of the principle of justice in civil law. The actualization of the study of the moral principle of justice can be explained, in particular, by the fact that the strengthening of the moral principles of civil law regulation of social relations was noted as one of the main goals of the modernization of civil law.
Keywords: *Principle, justice, category, civil law, analogy of law, general principles, reasonableness.*

References

1. Ivanova S.A. Princip social'noj spravedlivosti v grazhdanskom prave Rossii. Dis... dokt. yurid. nauk. M., 2006.
2. Erdelevskij A.M. Kompensaciya moral'nogo vreda v Rossii i za rubezhom. M., 1997.
3. Malein M.N. Lichnye neimushchestvennye prava: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita. M., 2001.

УДК 347.23 DOI: 10.22394/2074-7306-2019-1-3-94-99

ИЛЛЮЗИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РЕАЛЬНОСТЬ БЕНИФИЦИАРНОГО ВЛАДЕНИЯ

Серегин Андрей Викторович кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теориии истории государства и права, Южный федеральный университет (344007, Россия г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). E-mail: andrei-seregin@rambler.ru

Аннотация

Работа посвящена исследованию проблемы юридической иллюзии существования современного института права частной собственности в цивилистике западной правовой конгломерации. На основе историко-правового анализа ограничений, налагаемых на правомочия собственников, автор приходит к выводу о реальности существования бенифициарного владения, что доказывает формирование неофеодальной общественно-экономической формации.

Ключевые слова: *право частной собственности, бенефиций, сервитуты, налоги, земли сельскохозяйственного назначения, владение.*

С историко-правовой, юридико-философской, конституционно-политической и цивилистической точек зрения вопрос о собственности связан не только с эволюцией общественно-экономических формаций, разработкой идеальных моделей социального устройства человечества, решением вопроса о принадлежности государственной власти, защитой естественных прав и свобод человека и гражданина, но и сакральным правопониманием выбранного механизма цивилизационного сосуществования юридических конгломераций [1, с. 25 – 27], построенных на паразитарно-иерархических началах или коллективистко-гуманистических принципах служения общему благу, базирующемуся на духовно-нравственных постулатах симбиотического существования управленцев и управляемых. Принципиально, политико-правовой выбор наилучшей формы государства и разновидности правовой семьи во многом является вторичным при конструировании института частной собственности, являющейся причиной большинства революций в мировой истории. В западной правовой конгломерации, состоящей из англо-американской (общего или прецедентного права) и романогерманской (цивильной или континентальной) правовых семей [2, с. 11 – 17], собственность подразделяется на пуб-